

МИНИСТЕРСТВО ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ЭКОЛОГИИ РФ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРИРОДНЫЙ БИОСФЕРНЫЙ
ЗАПОВЕДНИК «ЦЕНТРАЛЬНОСИБИРСКИЙ»

**ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЗАПОВЕДНИКА
«ЦЕНТРАЛЬНОСИБИРСКИЙ»**

Выпуск 2 (4)

Красноярск, 2012

УДК 502.4: (595.7+596)
ББК 28.088 Л6
Т782

Рецензенты: д.с/х.н. Е.Н. Пальникова, к.б.н. И.А. Минаков

Печатается по решению научно-технического совета ФГБУ
«Государственный заповедник «Центральносибирский».

Ответственный редактор к.б.н. А.Н. Зырянов

Редакционная коллегия: д.б.н. Э.В. Рогачева, к.б.н. А.Н. Зырянов,
к.б.н. А.В. Сапогов, к.с/х.н. И.Ю. Буянов, М.Н. Рубцова.

ISBN 978-5-91502-059-6

Т782 Труды государственного заповедника «Центральносибирский». — Красноярск: ООО «Поликор», 2012. Вып. 2 (4). — 288 с.

В сборнике приведены результаты работ по инвентаризации видового разнообразия заповедника. Представлены фаунистические, флористические аннотированные списки, тематические статьи по экологии, этологии, этнографии и экологическому просвещению. Предназначен для экологов, ботаников, зоологов, специалистов по охране природы и экологическому образованию.

На обложке:
Центральносибирский заповедник. Река Кулинна.
Фото Алексея Полонского.

© Государственный заповедник
«Центральносибирский», 2012

Содержание

ЦЕНТРАЛЬНОСИБИРСКИЙ ЗАПОВЕДНИК: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, МЕЧТЫ О БУДУЩЕМ. Э.В. Рогачева	5
Глава I. ФАУНА НАЗЕМНЫХ ПОЗВОНОЧНЫХ ЖИВОТНЫХ ГОСУДАРСТВЕННОГО БИОСФЕРНОГО ЗАПОВЕДНИКА «ЦЕНТРАЛЬНОСИБИРСКИЙ»	37
ЗЕМНОВОДНЫЕ. А.В. Сапогов	38
ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ. А.В. Сапогов	38
ПТИЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОСИБИРСКОГО ЗАПОВЕДНИКА. О.В. Бурский, О.Н. Батова	39
МЕЛКИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ. Б.И. Шефтель	68
МЛЕКОПИТАЮЩИЕ. А.Н. Зырянов, А.В. Сапогов	78
Глава II. ФАУНА ВОДНЫХ ЖИВОТНЫХ	83
ИХТИОФАУНА БАССЕЙНА ЕНИСЕЯ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР). А.В. Новиков	84
ИХТИОФАУНА И ПАРАЗИТЫ РЫБ ДОЛЕВЫХ ОЗЕР, ЦЕНТРАЛЬНОСИБИРСКИЙ ЗАПОВЕДНИК. В.А. Заделёнов, К.В. Поляева	120
Глава III. ЭКОЛОГИЯ И ЭТОЛОГИЯ	125
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ РЕСУРСОВ ЗВЕРЕЙ СИБИРСКОЙ ТАЙГИ. А.Н. Зырянов	126
К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОВЕДЕНИЯ БУРОГО МЕДВЕДЯ (URSUS ARCTOS L.) В ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДЕ ОБИТАНИЯ. А.Н. Зырянов	155
ЧИСЛЕННОСТЬ И СТАЦИОНАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БУРОГО МЕДВЕДЯ НА СОПРЕДЕЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ ЗАПОВЕДНИКА «ЦЕНТРАЛЬНОСИБИРСКИЙ». И.Ю. Буянов	170

Глава IV. РЕДКИЕ ВИДЫ	177
РЕДКИЕ ПТИЦЫ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СРЕДНЕЙ ТАЙГИ. <i>Ю.П. Шапарев</i>	178
Глава V. ФЛОРА И РАСТИТЕЛЬНОСТЬ	187
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ЛИШАЙНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОСИБИРСКОГО БИОСФЕРНОГО ЗАПОВЕДНИКА. <i>И.С. Жданов</i>	188
СПИСОК СОСУДИСТЫХ РАСТЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БИОСФЕРНОГО ЗАПОВЕДНИКА. <i>С.С. Щербина</i>	204
Глава VI. ЭТНОГРАФИЯ	225
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У АБОРИГЕННЫХ ПОПУЛЯЦИЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В БИОСФЕРНОМ ПОЛИГОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАПОВЕДНИКА. <i>К.Б. Клоков, А.В. Сапогов</i>	226
РАЗРАБОТКА НАУЧНЫХ ОСНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЗОН И ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ТУРУХАНСКОГО СЕВЕРА. <i>К.Б. Клоков, А.В. Сапогов</i>	235
ГЛАВА VII. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ	267
ЭКОЛОГО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОСИБИРСКОГО ЗАПОВЕДНИКА: ИСТОРИЯ, АНАЛИЗ, ПЕРСПЕКТИВЫ. <i>М.Н. Рубцова</i>	268

**РАЗРАБОТКА НАУЧНЫХ ОСНОВ
ОРГАНИЗАЦИИ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЗОН
И ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА
ТУРУХАНСКОГО СЕВЕРА**

К.Б. Клоков, д. г. н.

Санкт-Петербургский государственный университет

А.В. Сапогов, к. б. н.

ГПБЗ «Центральносибирский»

Возможность выживания и развития в современных условиях коренных малочисленных этносов Севера России представляет собой важную теоретическую и практическую проблему, которая в настоящее время далека от разрешения. Имевшие место в прошлом попытки подвести теоретическую базу под необходимость интеграции традиционного природопользования и традиционных культур северных народов в доминирующее общество имели политизированный характер и были далеки от научной объективности. Продуктивным подходом в поисках решения этой проблемы может быть анализ отношений коренных этносов с доминирующим обществом как процесс взаимодействия двух культур, или аккультурации (в широком смысле этого слова).

Вся жизнь народов Севера тесным образом связана с природой. Можно без преувеличения сказать, что будущее их самобытных культур напрямую зависит от сохранения традиционного северного природопользования, которое также меняется в результате аккультурации. Несмотря на то, что в современных условиях малочисленные этносы не могут существовать в изоляции, культурные принципы традиционного природопользования и методов воздействия на природу доминирующего общества по-прежнему резко различны. Различаются и мотивы экономической деятельности. Актуальность теоретического осмысления этой проблемы связана также с тем, что традиционное природопользование часто рассматривается как модель гармоничного взаимодействия человека и природы, которое, быть может, удастся сохранить в современном обществе как своеобразный «островок гармонии с природой».

Эта работа была задумана как проверка рабочей гипотезы, полученной при изучении этносоциальной адаптации кочевого оленеводческого населения западного Таймыра (Клоков, 1996). Такая проверка требует сравнительного изучения процессов эволюции природопользования конкретных этнотерриториальных групп с различными типами адапта-

ции к природной среде и разным характером связей с доминирующим обществом.

Данный отчет обобщает материалы, собранные за длительный период комплексного социально-экологического изучения традиционного хозяйства коренного населения Туруханского Севера, по одному из этнохозяйственных ареалов этого региона. Он посвящен суломайским кетам. Это один из промежуточных итогов обширной программы работ, выполняемых специалистами НИИ географии СПбГУ, Института проблем экологии и эволюции РАН, Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Центральносибирского биосферного государственного заповедника и других научно-исследовательских учреждений под руководством академика Е.Е. Сыроечковского. В сборе и обработке материалов и подготовке рукописи к печати участвовали к. э. н. В.С. Дмитриев, Ю.В. Чесноков, Е.Е. Сыроечковский-младший, Л.М. Литвинова, А.А. Петрушин, С.А. Хрущев, О.В. Петина, Е.Г. Булатова и другие. Мы, пользуясь случаем, выражаем благодарность жителям поселка Суломай за гостеприимство и помощь в сборе научных материалов.

Процесс взаимодействия двух очень различных по размеру социальных общностей — малочисленных народов Севера, сохраняющих приверженность к традиционному образу жизни, и доминирующего большинства населения страны, в основном отрицающего традиционные ценности северных народов — часто рассматривают как процесс коммуникации между двумя культурами, или аккультурации. В настоящее время мы наблюдаем одну из стадий этого процесса, начавшегося несколько веков тому назад.

В работах зарубежных исследователей (Bastide, 1970, Abou, 1981, Lecaillon, 1989), посвященных проблемам аккультурации традиционных культур в различных странах мира, различают три возможных результата аккультурации:

1. Традиционная культура исчезает, а доминирующая изменяется незначительно (этноцид).
2. Обе культуры сосуществуют и приспособляются друг к другу. При этом доминирующая культура воспринимает от традиционной лишь немного, а последняя выживает, изменившись радикальным образом (случай с индейцами в Северной Америке).
3. В результате контакта образуется третья, новая культура. Культуры-родители при этом исчезают или сохраняются (иногда сохраняется только одна из них). Примеры таких контактов можно найти в латиноамериканских странах.

Если существуют традиции материальной культуры, значит существуют и соответствующие структуры сознания, пишет по этому поводу Ж.-Ф. Лекайон (Lecaillon, 1989), однако изменения в технологиях не ведут автоматически к изменениям в сознании. Американские индейцы легко соглашались на внешние заимствования, чтобы сохранить главное, что и позволяет говорить о возникновении индейской неокультуры.

В Америке сейчас различают три типа индейцев:

- индеец по крови, но полностью ассимилированный доминирующим обществом — т.е. фактически уже не индеец;
- индеец, реинтерпретировавший западные представления в своей традиционной культуре;
- индеец, интерпретирующий индейские ценности в западных терминах.

Аккультурация, таким образом, может протекать в двух плоскостях, что имеет существенно различные последствия для традиционных культур. Материальная аккультурация заключается в частичном заимствовании традиционным обществом у доминирующего его материальной культуры. Традиционные структуры сознания при этом сохраняются. Формальная аккультурация изменяет эти структуры, в результате чего может произойти отказ от традиционных форм мышления. Этот процесс интерпретации традиционных ценностей в терминах культуры доминирующего общества называют также фольклоризацией культуры (Chagnin, 1995). Однако возможен и процесс синтеза, при котором, овладевая культурой доминирующего общества, коренной народ получает новые возможности реализации своих потенциальных способностей.

Этап формальной аккультурации является критическим моментом в жизни коренного этноса: если он ведет к фольклоризации — культура гибнет, а потерявший культурное своеобразие этнос ассимилируется доминирующим обществом. Если же преобладает процесс синтеза, то аккультурация оборачивается своей положительной стороной (по Ж.-Ф. Лекайону — рекультурация), и образуется неокультура на традиционной основе.

Сохранение традиционного общества в статическом состоянии в течение длительного периода невозможно: любая культура может жить и развиваться только в движении, неизбежно соглашаясь при этом на утрату значительной части своих внешних и даже внутренних черт.

На севере России аккультурация коренных народов сопровождается постепенной маргинализацией этноценозов, потерей их системной целостности, распадом их на отдельные этнохозяйственные ареалы. Стадии аккультурации становятся одновременно и стадиями деградации этноценозов.

Наша гипотеза состоит в том, что процесс аккультурации систем традиционного природопользования коренных этносов должен протекать закономерно, проходя ряд последовательных стадий. Если на одной из таких стадий процессы формальной аккультурации начинают резко преобладать над материальной, то эта стадия окажется критической. От того, как она пройдет, будет зависеть дальнейшая судьба этноса: произойдет либо утрата его культурной самобытности и ассимиляция, либо образование неокультуры и возрождение.

В опубликованных ранее работах (Клоков, 1996, 1997, 1998) мы предложили выделять пять таких стадий:

На **первой** из них имеет место только политическое доминирование над коренным этносом. Внутренняя структура этноценоза и характер связей этноса с кормящим ландшафтом практически не меняются.

На **второй** происходит частичное территориальное вытеснение коренного этноса (начало территориального экологического этноцида), площадь кормящего ландшафта сокращается, часть территории занимают колонисты — представители доминирующего общества.

На **третьей** стадии, по времени наиболее длительной, идет постепенное преобразование структуры традиционного хозяйственного комплекса в направлении его интеграции с экономической системой доминирующего общества. Одновременно происходит сближение моделей образа жизни и природопользования коренного и доминирующего этноса. Этот процесс идет с двух концов: с одной стороны, колонисты перенимают у коренного населения новые для них методы ведения хозяйства, соответствующие местным географическим условиям. С другой стороны, доминирующее общество оказывает косвенное, а иногда и прямое давление на традиционное природопользование, заставляя коренных жителей воспринимать новые формы и методы хозяйства. Происходит интенсивная материальная аккультурация.

После того как интеграция достигнута, и сближение произошло, может наступить **четвертая** стадия. На ней происходит «разбавление» коренного населения мощным наплывом новопоселенцев с последующей метизацией населения. Это становится возможным после того, как образ жизни и формы ведения хозяйства достаточно сблизились.

Такое сближение создает необходимые предпосылки для формальной аккультурации. В большинстве случаев при этом происходит вытеснение коренного населения с эффективных рабочих мест и его постепенная маргинализация.

Для проверки этой гипотезы мы провели ретроспективный социально-экологический анализ изменений в системе природопользования и образа жизни коренного населения в этнохозяйственном ареале суломайских кетов (Туруханский район Красноярского края и Байкитский район Эвенкийского автономного округа).

1. Общие сведения о суломайских кетах

Кеты поселка Суломай Байкитского района Эвенкийского автономного округа являются прямыми потомками этнотерриториальной группы подкаменнотунгусских кетов, выделенной Б.О. Долгих (1934) на основе материалов Приполярной переписи населения 1926–1927 гг. и собственных наблюдений.

Этнохозяйственный ареал этой группы расположен в нижнем течении реки Подкаменная Тунгуска. Это низкогорья, покрытые кедрово-еловой тайгой, богатой охотничьими животными, особенно соболем. Промысловое значение имеют также белка, лось, дикий северный олень, норка, боровая дичь. Рыбные ресурсы очень ограничены. Условия для домашнего оленеводства малоблагоприятны. Темнохвойная тайга достаточно продуктивна для промышленных лесозаготовок в небольших объемах. Запас древесины достигает 200 куб.м/га. Имеются ценные массивы кедровых лесов, заслуживающие специальной охраны. В настоящее время часть территории этнохозяйственного ареала вошла в состав Центральносибирского государственного заповедника.

Переписью 1926/27 года в этнотерриториальной группе подкаменнотунгусских кетов было учтено 58 семей — около 300 человек. Охотников кетов насчитывалось 104 человека.

Сезонный характер использования кетами угодий был таков (Долгих, 1934). Лето они в основном проводили на Енисее, промышляя рыбу на участке между селом Ворогово и станком Лебедь (главным образом — от Осина до Комсы). Отдельные рыбаки сплывали вниз по Енисею до Бахты.

Этот участок Енисея был особенно богат ценной рыбой. Именно здесь расположены лучшие нерестилища нельмы и осетра.

Дальние, на десятки и сотни километров перемещения кетских семей к местам рыбного промысла были возможны за счет использования

ими илимок — больших, около 8 м длиной, лодок с каютой из бересты. Илимки служили летним транспортом и отчасти жилищем.

Осенью, сделав запас необходимых товаров, кеты поднимались на своих илимках вверх по Подкаменной Тунгуске иногда более чем на 200 км от Енисея. С начала зимы они уходили на охоту, далеко на юг в горные ельники и пихтачи Енисейского края. Центром осенней концентрации кетов перед охотничьим промыслом был район Черного острова, вблизи нынешнего Суломая. Отсюда они расходились по Подкаменной Тунгуске и ее притокам, к востоку вплоть до Кузьмовки и бассейна р. Вельмо (р. Тея). Здесь они иногда выходили даже к золотым приискам нынешнего Северо-Енисейского района. В угодьях кеты находились подолгу — до 6–8 месяцев в году.

Основным пушным видом у кетов была белка, но некоторую роль в промысле играл и соболь, в то время в других местах почти истребленный.

Пушной промысел занимал в их хозяйстве исключительно важное место, принося более 90% всех доходов. Охотились пешком. Имущество на промысле кеты таскали за собой на небольшой нарточке, в которую впрягались вместе с двумя-тремя охотничьими (неездовыми) собаками.

В густом темнохвойном лесу при пересеченном рельефе и очень глубоко в этом районе снеге это был единственный возможный способ передвижения. Зимой снабжение промысловиков осуществлялось через факторию Кузьмовка (происхождение этого названия местные жители объясняют тем, что там жил купец Кузьма). Весной они могли продать пушнину и купить необходимые товары на ярмарке, которая ежегодно проводилась в устье Подкаменной Тунгуски. Последняя такая ярмарка, по сообщению старожилов, была в 1933 году.

В 1930-е гг. в 80 километрах от устья Подкаменной Тунгуски для кетов была организована промыслово-охотничья станция (ПОС) и возник поселок — Суломая (старый Суломая). По сообщениям старожилов, первые дома в нем были построены в 1932 году. ПОС находилась в районе Черного острова, т.е. рядом с тем местом, где расположен современный поселок. В конце 1930-х годов (предположительно в 1937 г.) был организован колхоз и старый поселок объединен с новым. Туда же из старого Суломая перевезли скот: коров и несколько лошадей. В эти же годы на месте фактории Кузьмовка поселились несколько русских семей — староверы.

Постепенно в Суломая сконцентрировались все подкаменнотунгуские кеты. Административно он был подчинен Туруханскому району

Красноярского края. Расположенный в поселке колхоз «Дружба», отличался высокой специализацией на пушном охотничьем промысле. Второе место занимало рыболовство, которое, после утраты илимок, сосредоточилось на небольшом участке Подкаменной Тунгуски и ее притоках. Оленей, как это делали их соседи — эвенки, кеты в этом районе не держали.

Живя в непосредственной близости от эвенков, подкаменнотунгуские кеты вели образ жизни, совершенно не схожий с эвенкийским. Эвенки всегда были мало связаны с реками, а осваивали глубину тайги, занимаясь охотой и оленеводством. При пересеченном рельефе и более густой тайге эвенки в среднетаежной полосе широко применяли выючное, верховое, а не нартовое оленеводство. В низовья Подкаменной Тунгуски и ближе к Енисею они проникали неохотно: там хуже пастбища, и темнохвойная тайга малопроезжима даже для учуга. По-видимому, отчасти и этим объясняется тот факт, что более сильные эвенки не очень теснили кетов и не стремились к выходу на Енисей. Если уж они и переселялись на запад, то не останавливались на малопригодном для них Енисее, а переходили в глубину левобережья, в привольные для оленей сосновые боры, богатые белкой и глухарем. Так поступили, например, эвенки рода Баяки, которые ушли в 18 веке с Подкаменной Тунгуски на Сым и далее расселились среди кетов и селькупов Елогуйя, Таза, Сургутихи и Пакулихи.

Подкаменнотунгусские же кеты оставались типичными «речниками». Летом они путешествовали на илимках на Енисей и целиком занимались рыбной ловлей. Зимой они также не уходили далеко от Подкаменной Тунгуски и охотились только пешком. Отсутствие у суломайских кетов оленеводства можно объяснить особенностями занимаемого ими кормящего ландшафта. Кеты на Елогуйе и Тазу восприняли селькупский тип жизни, свойственный лесным самодийцам: имели небольшие стада транспортного и охотничьего назначения. Светлохвойные боровые охотничьи угодья иначе и нельзя было успешно осваивать, кроме как нартовым оленним аргишом, охватывающим широкие площади тайги.

Напротив, суломайские кеты не могли использовать оленей на охоте в густой темнохвойной тайге. Главное же в том, что олени здесь и не были нужны, так как темнохвойные угодья богаче, чем светлохвойные, и для успешного промысла хватало небольших участков (50–100 км²). Охотничьи результаты оказывались у них даже более высокими, чем у кетов Елогуйя и Таза, что отмечал еще Долгих (1934), не вполне обоснованно объяснявший более низкие результаты лево-

бережных кетов тем, что оленеводу-охотнику (даже при двух — трех оленях) приходится выбирать путь, больше сообразуясь с наличием пастбищ, чем с поисками лучших охотничьих угодий (Сыроечковский, 1974).

С 1964 г. пос. Суломая с прилегающей территорией Суломаяйского сельского совета был выделен из состава Туруханского административного района и присоединен к Байкитскому району Эвенкийского национального (позднее — автономного) округа.

Надо отметить, что, несмотря на удаленность от районного центра (поселка Байкит), в современных условиях экономико-географическое положение Суломая достаточно выгодно, так как он сохраняет хозяйственные связи с Енисеем и расположенным на нем недалеко от устья Подкаменной Тунгуски поселком Бор Туруханского района Красноярского края. Хотя Подкаменная Тунгуска даже в своем нижнем течении большую часть года не проходима для грузоподъемных судов, от Суломая до Енисея (пос. Бор) можно за 1,5–2 часа доехать на моторной лодке или водометной катере, а зимой — на снегоходе.

* Для снабжения и вывоза промысловой продукции Суломая в современных условиях может быть ориентирован только на основную транспортную артерию региона — реку Енисей, а также на крупный (по местным масштабам) аэропорт в поселке Бор. Здесь же, в поселке Бор, имеется и необходимый набор социальных служб, которыми жители Суломая могут гораздо легче воспользоваться, чем службами, расположенными в административном центре района — Байките. Таким образом, экономические и социальные связи поселка в настоящее время не совпадают с его административным подчинением.

Современная система природопользования поселка Суломая в целом сохраняет значительную часть традиционных черт, свойственных в прошлом подкаменнотунгусской группе кетов (лидирующая роль охотничьего промысла, отсутствие оленеводства). Наиболее существенной утратой является прекращение регулярных выездов на Енисей в богатые рыбой угодья для промыслового рыболовства (и соответственно, утрата традиционного передвижного жилища — илимки). Илимки в Суломаяе, по воспоминаниям местных жителей, исчезли в годы Великой Отечественной войны, когда большая часть лодок была унесена сильным наводнением. Потом этот традиционный вид транспорта уже не восстанавливали. Последними оставшимися илимками старики пользовались еще в 1946–1947 годы.

2. Демографическая ситуация

В настоящее время численность суломаяйской группы кетов составляет около 150 человек. В поселке Суломая кеты составляют абсолютное большинство населения (около $\frac{3}{4}$ жителей поселка). Анализ демографических показателей за пятилетний период (1992–1997 годы), проведенный нами на основе данных похозяйственных книг (табл. 1), показал, что за рассматриваемый период население Суломая сокращалось. Это сокращение было связано главным образом с механическим движением — выездом семей в поселок Бор Туруханского района и другие места. По этой причине количество суломаяйских кетов уменьшилось на 24 человека, что составило 13,8 % от численности населения 1992 года.

Естественный прирост населения Суломая за рассматриваемый период в целом был отрицательным. Однако естественное движение кетского населения (в отличие от всех других национальностей, включая русских) имело небольшое положительное saldo.

Смертность среди кетов за рассматриваемые 5 лет была несколько ниже, чем у русских (табл. 1). Этот факт может показаться неожиданным, так как известно, что средняя продолжительность жизни у коренных народов Севера обычно ниже, чем у русского населения Сибири. Действительно, более детальный анализ (табл. 2) показал, что причина относительно низкой смертности суломаяйских кетов была не в том, что у них больше продолжительность жизни, а в том, что средний возраст русского населения в поселке в этот период был существенно выше, чем кетского. Возраст умерших кетов был значительно меньше, чем умерших русских. Максимум смертей среди кетского населения пришелся на среднюю возрастную категорию (26–50 лет), тогда как у русских все умершие были старше 50 лет.

В целом демографическую ситуацию в суломаяйской группе кетов можно оценить как неблагоприятную. Для нее характерны: крайне низкий естественный прирост, повышенная смертность людей среднего возраста, интенсивный выезд кетов за пределы поселка в более крупные населенные пункты, где иноэтническая среда делает ассимиляцию практически неизбежной.

В целом численность суломаяйской группы кетов за 5 лет сократилась на 20 человек, или на 11,6 %. По сравнению с 1926 годом группа уменьшилась в два раза.

Таблица 1

Национальный состав и естественное движение населения поселка Суломая за 1992–1997 гг.

Показатели	Русские*	Кеты**	Эвенки	Долганы	Всего
Население на 1.01.97, чел.	41	153	6	6	206
Доля национальностей, %	19,9	74,3	2,9	2,9	100,0
Родилось за 1992–1996, чел.	0	16	0	0	16
Умерло за 1992–1996, чел.	5	12	0	0	17
Выехало за 1992–1996, чел.	21	24	16	0	61
Население на 1.01.1992, чел.	67	173	22	6	268
Доля национальностей, %	25,0	64,6	8,2	2,2	100,0
Изменение численности населения с 1992 по 1997 гг. (+/-, раз)	-1,6	-1,1	-3,7	1,0	-1,3
Рождаемость (в среднем за год, ‰)	0	+19,6	0	0	+13,5
Смертность (в среднем за год, ‰)	-19,2	-14,7			-14,3
Механическое движение (в среднем за год, ‰)	-80,8	-29,4	-228,6		-51,5

Примечания:

* в графу «русские» включены сведения по всем некоренным национальностям.

** в графу «кеты» включены также сведения о детях от смешанных браков между кетами и русскими, для которых национальность не была указана.

Источник: рассчитано по материалам похозяйственных книг администрации поселка Суломая за 1992–1997 гг.

Таблица 2

Распределение умерших жителей поселка Суломая по возрастам за период с 1.01.92 по 1.01.97.

Возраст умерших, лет	всего, человек	в т.ч. кеты		русские	
		человек	%	человек	%
<= 6	1	1	8,3	0	0
7–25	0	0	0	0	0
26–50	5	5	41,7	0	0
51–60	6	3	25,0	3	60,0
61–70	3	3	25,0	0	0
более 71	2	0	0	2	40,0
Всего	17	12		5	

Источник: составлено по данным администрации поселка Суломая.

3. Система традиционного природопользования суломайских кетов и ее эволюция в 1960–1990-е годы

К началу 1960-х годов система традиционного природопользования суломайских кетов была следующей. В 1963 г. в колхозе «Дружба» было 19 промысловиков-колхозников. Они осваивали угодья в бассейнах правых притоков Подкаменной Тунгуски (рек Рыбная, Сухая и Малая Лебяжья, Малая Черная) и по правобережью р. Столбовая. По левобережью Тунгуски промыслом были охвачены низовья рек Большая Черная, Большая Тайменка, Большая Лебяжья, Апрелькина и Сосновка.

В середине 1960-х годов большинство охотников Суломая вело смешанный, преимущественно ходовой промысел соболя и белки. В эти годы начали получать большее распространение ногозахватывающие капканы, однако большая часть соболей добывалась еще ружьем и отчасти обметом. За сезон кет-промысловик совершал в угодьях до 5–6 охотничьих переходов с нарточкой и палаткой, не отходя от русла Подкаменной Тунгуски далее 30–40 км. Общая продолжительность промыслового сезона составляла более 100 дней.

О результатах промысла мы можем судить лишь по данным заготовок, так как опрос промысловиков в те годы не проводился. За два сезона (1961/62 и 1962/63 гг.) 19 охотников колхоза «Дружба» добыли 827 соболей, т.е. по 43,5 в среднем на 1 охотника. Добыча белки за два сезона составила здесь 3740, или 196, в среднем на 1 охотника.

Интересно, что в поселке Кузьмовка, расположенном в 150 км выше Суломая, показатели добычи соболя в то время были выше. За два сезона (1961/62 и 1962/63 гг.) здесь было добыто 1070 штук, т.е. по 70 соболей в среднем на охотника (в 1963 г. в Кузьмовке было 16 охотников-профессионалов: 14 русских и 2 кета). Некоторые из них числились штатными охотниками Подкаменно-Тунгусского рыбокооп. Данный участок отличается наиболее высокими показателями добычи соболей. Напротив, белок за два сезона здесь было добыто менее 2000, т.е. еще меньше, чем в Суломое.

Средние показатели сезонной добычи русских охотников из Кузьмовки в 50-е годы были такими: 1953/54 г. — 30 белок, 1954/55 г. — 50, 1955/56 г. — 120, 1956/57 г. — 300, 1957/58 г. — 200–250. В последующие годы показатели добычи опять сократились до десятков. В сезон 1955/56 г. белка держалась здесь исключительно на лиственнице (урожай семян был высоким), а в 1957/58 г. — в основном на кедре. Суломайскими охотниками (19 человек) на Подкаменной Тунгуске в 1962 г.

было добыто 2027 белок, а в среднем за сезон (1958–1962 гг.) — 1833, т.е. меньше, чем по сотне на каждого охотника. Соответствующие показатели добычи соболей: 277 и 310 на всех суломайских промысловиков (Сыроечковский, 1974).

Охотничий промысел был важнейшей отраслью хозяйства кетского колхоза «Дружба». Суломайские кеты — самая «охотничья» из всех территориальных групп кетского населения. Елогуйские кеты следуют в этом отношении за ними, а кеты северной тайги, живущие на Пакулихе, Енисее и особенно на Курейке, — преимущественно рыболовы и в этом отношении мало отличаются от других жителей северной окраины лесной зоны — русских и селькупов. В 1962 году среди всех 19 колхозов Туруханского района удельное значение доходов от охоты было самым большим в Суломае (61,5%). Отметим, что в других колхозах Туруханского района только в Келлоге (кетский колхоз на Елогуе) охота давала более половины всех доходов (52,9%). В остальных колхозах доходы от охотпромысла не превышали 31%. Доходы от рыболовства в Суломае в 1962 г. составляли 24%. Характерно резкое различие пропорции доходов от этих двух отраслей в сравнении с кетским хозяйством в других этнохозяйственных ареалах. Например, у Курейских кетов (пос. Серково): охота давала 16%, а рыболовство — 63% доходов.

Однако по сравнению с более ранним периодом значение охотничьего промысла в традиционном хозяйстве подкаменнотунгусских кетов снизилось. Так, по данным Приполярной переписи (1926/27), роль охоты у них была еще более велика (90,4%). Рыболовство же давало лишь 8,9%. При этом товарность охоты достигала 95%, а рыболовства — только 1%, т.е. по сути дела рыболовство было почти исключительно потребительским. В этом существенное различие с более северными группами кетского населения: на Курейке и в 1926–1927 гг. рыболовство было важной товарной отраслью (товарность 33%).

До конца 1950-х годов основой охотничьего промысла на Подкаменной Тунгуске была белка. В 1926–1927 гг. кеты добыли на Подкаменной Тунгуске около 60 тыс. белок, а в среднем на 1 индивидуальное хозяйство — по 1021 шт. (всего 58 хозяйств). В 1958–1962 гг. добыча белок составила около 2 тыс. шкурок, т.е. сократилась примерно в 30 раз. В среднем охотник в 1926–1927 гг. добывал за сезон 569 белок (Долгих, 1934), а в 1958–1962 гг. — не больше чем по 100 зверьков.

Соболей в прежнее время на Подкаменной Тунгуске добывали редко. За сезон 1926/27 г. было добыто всего 9 зверьков, т.е. примерно 0,1 шкурки на индивидуальное хозяйство. В 1958–1962 гг. в среднем каж-

дый кет добывал по 15–20 соболей за сезон. Все остальные пушные виды суломайскими кетами добывались очень редко (табл. 3).

В течение 1960–1970-х годов роль соболя в пушном промысле продолжала увеличиваться, а белки — сокращаться. Существенное значение приобрел также дичиной промысел (лось и боровая дичь).

В 1960-е годы средний заработок суломайских охотников на добыче пушнины несколько превышал заработок кетов северной тайги, но был значительно (примерно в 1,5 раза) ниже заработка русских охотников из прилежащих среднетаежных районов. Это в основном объяснялось отношением кетов к самоловной охоте на соболя. Они предпочитали бродить по тайге с нарточкой, ружьем и собакой. Русские охотники-любители из Суломая, промышленничавшие капканами близ своих избушек, даже неподалеку от поселка, имели значительно лучшие результаты (Сыроечковский, 1974).

С конца 1950-х годов низовья Подкаменной Тунгуски стали привлекать охотников-любителей из большого поселка Бор в устье реки и даже из других, более удаленных мест. Число их быстро росло. Уже в 1958–1963 гг. они поднимались по Подкаменной Тунгуске вверх почти до Кузьмовки, где также охотились в основном русские — староверы (в 1963 г. в Кузьмовке профессиональным охотничьим промыслом было занято 14 русских охотников и 2 кета). В Суломае штатные русские охотники появились несколько позднее. В основном это были приезжие, которые, женившись на местных женщинах, создавали смешанные в национальном отношении семьи, дети которых официально имели кетскую национальность.

Таблица 3

Добыча пушных зверей на территории этнохозяйственного ареала суломайских кетов в 1958–1962 гг. (данные по колхозу «Дружба»)

Виды	В среднем за 1 г. (за 1958–1962 гг.)	1962	
		шт.	руб.
Белка	1833	2027	2007
Соболь	310	277	6097
Ондатра	18	нет данных	
Горностай	11	24	26

Источник: Сыроечковский, 1974.

Таблица 4
Уловы рыбы на территории этнохозяйственного ареала
Суломайских кетов (вылов рыбы колхозом «Дружба»)
в 1958–1962 гг.

Группы видов промысловых рыб	Уловы за 1958–1962 гг. (в среднем за год)		Уловы за 1962 г.	
	ц	%	ц	%
Частик крупный	5,7	5,3	3,0	2,9
Частик мелкий	9,1	8,4	13,0	12,5
Сиговые	17,8	16,4	3,7	3,6
Осетровые	8,2	7,6	23,0	22,2
Лососевые	67,4	62,3	61,0	58,8
Всего	108,2	100,0	103,7	100,0

Источник: Сыроечковский, 1974.

Вторым по значению после охотничьего промысла направлением традиционного природопользования суломайских кетов в колхозный период было рыболовство.

Небольшой товарный лов рыбы велся суломайскими кетами на Подкаменной Тунгуске. В 1956–1966 гг. тут вылавливалось до 100–125 ц товарной рыбы, в основном ценных пород: хариуса, тайменя, тугуна.

Данные о добыче рыбы в низовьях Подкаменной Тунгуски в среднем за 1 год за период 1958–1962 гг. и за весь 1962 г. (уловы колхоза «Дружба», Суломая) приведены в таблице 4. Уловы не отражают естественного соотношения видов, хотя явно свидетельствуют о богатстве водоемов лососевыми. По-видимому, часть рыбы кеты ловили на Енисее, куда многие жители Суломая выходили летом из Подкаменной Тунгуски. В частности там вылавливали осетра. В низовьях Подкаменной Тунгуски щуки, окуня и сороги было не меньше, чем лососевых, но ловили их мало, так как промысел частичковой рыбы был экономически невыгоден. По той же причине почти не были освоены значительные запасы налима.

В колхозный период рыбу у суломайских рыбаков принимали представители Ярцевского рыбозавода, и вывоз ее на большое расстояние обходился дорого. Лов велся в основном ставными сетями и отчасти небольшими неводами. В 1962 г. в колхозе «Дружба» было 150 сетей, 7 неводов и 4 моторные лодки.

Главные экономические показатели рыболовства в 1962 г. были следующими. Ловом рыбы было занято 7 колхозников. Всего добыли 104 ц на сумму 3,7 тыс. руб. Доходы от рыболовства составили 24,2%

от общих доходов. Вся рыба была сдана государству, так как звероводства в хозяйстве тогда не было. В рыболовстве было затрачено 23% колхозных трудодней. Доход в среднем на одного рыбака составил за сезон 524 руб. при среднем вылове одним промысловиком 14,8 ц. Значительный доход (больше, чем на охоте) при небольшом количестве выловленной рыбы зависел от высокой ценности продукции. Себестоимость выловленной рыбы была очень высокой, одной из самых больших среди всех колхозов Туруханского района: 37,4 руб. за 1 ц. Все же лов не был убыточным, так как реализационная цена 1 ц составила 37,7 руб. (рентабельность 0,3 руб.). Отсюда видно, что при имевшейся ситуации увеличение лова менее ценных пород привело бы к убыточности промысла. Запасы же более ценных рыб в Подкаменной Тунгуске были ограничены и не позволяло значительно расширять рыболовство в Суломаяе (Сыроечковский, 1974).

Кроме охотничьего промысла и рыболовства жители Суломая уделяли значительное внимание сбору дикорастущих пищевых растений, так как в окрестностях поселка обильны ресурсы кедрового ореха, ягод и грибов.

В отличие от многих других национальных поселков севера Средней Сибири, где в 1960-е годы колхозы наряду с традиционным природопользованием начали интенсивно развивать не традиционные отрасли хозяйства, хозяйственный комплекс Суломая долго оставался полностью традиционным. Так в 1962–1963 гг. в колхозе «Дружба» не было общественного растениеводства и коров, содержались только три лошади. По экспликация 1954 г., около поселка было 20 га естественных сенокосов. В 1962 г. было убрано 8 га и получено 80 ц сена, т.е. средний сбор составил 10 ц/га.

После объединения колхозов Суломая сделался участком крупного коопзверопромхоза с центром в пос. Байкит. Дирекция и бухгалтерия оказались за двести километров. На месте все производственные вопросы решал один человек — начальник участка. От него во многом зависела и общая стратегия природопользования. С другой стороны, она определялась объективными эколого-экономическими факторами — наличием природно-ресурсной базы и конъюнктурой спроса на различные виды продукции природопользования.

С 1968 по 1982 год начальником суломайского производственного участка Байкитского КЗПХ был очень энергичный человек и хороший организатор — Николай Т., русский, женившийся на представительнице кетского народа, уроженец южных районов Сибири. С его деятельностью связан особый период в развитии хозяйственной жизни поселка.

Механизатор по профессии, он организовал жизнь и работу национального поселка по своему разумению: занялся развитием лесозаготовок и лесопиления. В условиях плановой экономики, при отсутствии даже своего счета в банке, он сумел обеспечить поселок техникой, построить для его жителей хорошие дома, дать людям высокие по тем временам заработки. Благодаря лесозаготовкам, занятость населения была полной и рабочих рук не хватало. Охотники-кеты, вернувшись из тайги в середине зимы, направлялись на лесные делянки, шилораму, строительные работы. Основной план по пушнине давали, оставаясь в тайге до конца сезона, несколько штатных охотников. Чаще всего это были заинтересованные в заработке русские новопоселенцы.

С точки зрения экономики, организация производства была близка к оптимальной. Однако некоторые кеты оценили эти времена по-другому: «В тайге могли охотиться в основном русские. Нас в тайгу не пускали. Как заключенных, нас гоняли на лесоповал».

В первые годы перестройки Байкитский коопзверопромхоз оказался на грани банкротства и уже не был способен поддерживать хозяйственную жизнь в поселке и обеспечивать работой его жителей. Лесозаготовки и товарный лов рыбы прекратились. Осталось потребительское рыболовство и охота, которая практически сделалась частным делом промысловиков. Пока промхоз обеспечивал их заброску на охотничьи участки вертолетом, они сдавали ему пушнину по низким, почти даровым ценам. Потом промхоз перестал выполнять обязательства по заброске охотников, и вся пушнина стала продаваться коммерсантам. Зарплата рабочим промхоза практически не поступала.

Попытки местных жителей создать «родовые хозяйства» блокировались бюрократическими барьерами. Существенную роль играла также удаленность поселка от районного центра Байкита и дирекции промхоза. Охотники просто не имели средств, чтобы купить резко подорожавшие авиабилеты до райцентра. Население поселка стало сокращаться за счет выезда семей в поселок Бор Туруханского района и другие места.

Чтобы улучшить ситуацию, все хозяйственные службы поселка были переданы производственному жилищно-эксплуатационному управлению (РПЖЭУ) Байкитского района. После этого распределение рабочих мест в поселке стало таким. В штате РПЖЭУ находилось около 10 человек (дизелисты, электрики, механики, трактористы), которые обеспечивают работу поселковой электростанции, заготовку дров для бюджетных организаций и другие общественные нужды поселка. В зимнее время они могли заниматься охотничьим промыслом как охотники-любители.

Кроме этого в поселке есть 2 работника лесхоза и 2 Центральносибирского государственного биосферного заповедника. Все остальное мужское население поселка было занято почти исключительно промысловой деятельностью (традиционным природопользованием) — т.е. существовало за счет местных биологических ресурсов. Женские рабочие места связаны с социальной сферой и торговлей (администрация, почта, больница, магазин, школа, детский сад, дом культуры — всего около 30–35 рабочих мест). Женское население также активно участвовало в потребительском традиционном природопользовании, занимаясь заготовкой дикорастущих растений. Заготовленная ягода и кедровый орех использовались не только в потребительских целях, но также и на продажу.

Возможности для сбыта промысловой продукции: ягод, кедрового ореха, рыбы (основным спросом пользуется тугун), мяса диких копытных (дикого северного оленя и лося), в поселке очень ограничены — ее приходится вывозить на Енисей на моторных лодках или зимой на «Буранах». Для одного рейса (80 км туда и столько же обратно) требуется 60 л бензина, затраты на который ложатся на себестоимость продукции, не говоря об амортизации транспортных средств, находящихся в личной собственности промысловиков и затратах времени на перевозку. Коммерсанты приобретают промысловую продукцию «по бартеру» в обмен на необходимые в Суломае товары.

Основными источниками заработка промысловиков является соболь, тугун и мясо диких копытных (главным образом, оленина, так как лосятина в большей степени используется в пищу).

На пушном промысле у суломайских охотников хорошей считается добыча в 100 и более соболей на охотника, плохой — 50 и менее соболей. Добыча белки (особенно в темной хвойном лесу) в последние годы не окупалась из-за высокой стоимости патронов и низкой стоимости шкурки. Белку стало выгодно стрелять только в отдельные годы ее обилия в лиственничниках, где зверек хорошо виден и доступен для выстрела.

Охота на лосей осуществлялась в основном на переправах во время весенней и осенней миграции, а на диких северных оленей — в зимнее время. Интенсивный отстрел лосей приводил к снижению их численности.

Среди убитых диких оленей, по неоднократным сообщениям охотников, попадались и домашние с метками полигуссовского совхоза.

В заключение характеристики современной системы традиционного природопользования суломайских кетов приведем два типичных описания промысла охотников.

Охотник Т.

Охотился с братом в бассейне реки Гуреевская (правый приток Подкаменной Тунгуски, примерно в 80 км выше поселка Сулома). Участок имеет размеры 20x15 км, выходит на Подкаменную Тунгуску. На нем построено 5 промысловых избушек, 4 из которых расположены на берегу Подкаменной Тунгуски, а одна — в глубине тайги. На участок охотники заезжали на моторных лодках в первых числах октября. Для каждой поездки (туда и обратно) требовалось 60 л бензина. Зимой расстояние от поселка до участка охотники проходили пешком за 2–3 дня.

В период зимнего промысла охотники выходили в поселок примерно 1 раз в месяц. Заканчивали промысел в конце января. Для добычи соболя пользовались в основном ногозахватывающими капканами.

Капканов имели 1000 штук на двоих. Настораживали примерно половину из них. Капканами начинали ловить сразу же с открытием охотничьего сезона, одновременно с ружейной охотой с собакой. С собакой в удачные годы добывали до 30 и более соболей каждый.

Пробовали ловить «гуманными» капканами, но это не дало хорошего результата. В случае необходимости считали возможным перейти на промысел кулемками.

Летом охотники также регулярно (примерно один раз в неделю) бывали на своем участке, занимаясь рыболовством, сбором дикорастущих растений и подготовкой к зимнему промыслу.

Охотник С.

Его участок расположен по реке Тайменке — левому притоку Подкаменной Тунгуски, выше Суломая. Длина участка около 40 км, на нем построено 10 избушек. Общая длина — 16 самолетных путиков около 160 км. На них охотник выставляет 750 капканов, а также в небольшом количестве пасти, кулемки и петли на лис и росомаху. По его словам, кулемка ловит соболя лучше, чем ногозахватывающие капканы.

На участке обычно находился с 1 октября по 1 февраля с двумя кратковременными выходами в поселок (к 1 декабря и на новогодние праздники). Летом на участке бывал два или три раза, чтобы починить избушки и подготовить все необходимое к промыслу. Продукты и снаряжение завозил весной по насту на «Бурани» и по воде на моторной лодке.

4. Традиционные экологические знания суломайских кетов (по материалам этноэкологических исследований 1994 и 1997 гг.)

Традиционные экологические знания и традиционное природопользование

Как было отмечено Всемирной конференцией «Наука — 21 веку» (Будапешт, 1999), знания традиционных обществ представляют собой огромную ценность. Они не только содержат информацию, не известную современной науке, но и выражают альтернативные ей способы восприятия окружающего мира, другие отношения между человеком и природой (Science for the Twenty-First Century, 2000, с. 27). Для управления биологическими ресурсами основополагающее значение имеют «традиционные экологические знания» — ТЭЗ (по-английски: traditional ecological knowledge — ТЕК, Райгородский, 2000). Этот термин применяют для обозначения знаний об окружающей среде, проистекающих из опыта традиционного природопользования определенной группы коренного населения, или — в более широком смысле — всех жителей данного региона, чьи образ жизни и практическая деятельность тесно связаны с использованием ресурсов живой природы. ТЭЗ не включают знания коренных жителей, полученные в результате специального образования или путем самообразования (из книг, газет, телепередач и др.).

Для ТЭЗ в большей степени характерны качественные оценки, фиксация трендов, вариаций, экстремальных и необычных событий, а также условий, в которых произошло то или иное событие, чем количественные оценки, измерения или определение средних значений каких-либо экологических параметров, на которых основана большая часть научных подходов. Коренные жители имеют возможность наблюдать за многими природными явлениями гораздо чаще, в течение более длительных периодов времени и в большем количестве мест, чем это могут делать ученые, время и место полевых работ которых обычно весьма ограничено. В этом отношении ТЭЗ и научные методы экологических наблюдений хорошо дополняют друг друга.

ТЭЗ общины коренного населения можно рассматривать как одно целое мозаичное знание, составленное из опыта ее отдельных членов, каждый из которых занят определенными видами традиционного природопользования. Можно выделить следующие 4 основные категории ТЭЗ (Usher, 2000):

1. Фактические знания о природной среде. Сюда входят, во-первых, эмпирические наблюдения отдельных людей (охотников, рыбаков или оле-

неводо и др.) — конкретные факты из жизни природы, для каждого из которых может быть указано место и время. Во-вторых, сделанные этими людьми обобщения собственных наблюдений за определенным временным промежутком.

2. Знания о природопользовании (охоте, рыболовстве и др.), местах, сроках, способах и количестве используемых ресурсов в настоящее время или в прошлом.
3. Ценностные ориентации и моральные императивы, регулирующие экологическое поведение коренного населения данного региона.
4. Космологические представления о природе и месте в ней человека, возникшие, как правило, на традиционной мифологической основе.

ТЭЗ представляют самостоятельную ценность для разработки новых концептуальных подходов к устойчивому развитию. Они могут использоваться для целей ко-менеджмента и незаменимы при оценке воздействий на окружающую среду, так как люди, выживание которых зависит от местных условий, могут определить действительную цену потерь или выгод от реализации какого-либо проекта лучше, чем приезжие специалисты. Способы изучения и организации ТЭЗ достаточно полно разработаны и апробированы зарубежными специалистами, накопившими в этом вопросе значительный опыт (Freeman, 1976, Andrews, 1988, Nakashima, 1990, Fienup-Riordan, 1999 и др.). В России методы изучения традиционных знаний коренных народов Севера менее разработаны. Имеется опыт их эффективного использования при разработке систем управления ресурсами морских млекопитающих в ряде совместных Российско-Американских проектах (Зеленский, 1995, 1997, Мыррин, 1999, Ринтеймит, 2000 и др.), а также в орнитологических исследованиях (Сыроечковский-мл., Клоков, в печати). Широко использовались они также в работах, посвященных природопользованию енисейского Севера (Сыроечковский, 1974, Сыроечковский, Рогачева, Клоков, 1982, Клоков, 1999 и др.), хотя сам термин «традиционные экологические знания» в них не употреблялся.

Чтобы ТЭЗ не выглядели как случайное нагромождение противоречивых и принципиально непроверяемых фактов, субъективных суждений и некорректных выводов (какими их нередко считают специалисты-экологи), они должны быть правильно зафиксированы, соответствующим образом протестированы и представлены в удобной для понимания и привычной для ученых форме.

Как было отмечено, на упомянутой выше Всемирной конференции «Наука — 21 веку», (Science for the Twenty-First Century, 2000, с. 41) кооперацию между носителями традиционных знаний и учеными нужно всемерно поддерживать. Страны должны способствовать лучшему пониманию

и использованию традиционных знаний, вместо того чтобы фокусировать внимание только на науке и технике. Правительственным и неправительственным организациям следует способствовать развитию традиционных систем знаний через активную поддержку их носителей, их образа жизни, языка, социальной организации, природного и культурного окружения.

Традиционные экологические знания суломайских кетов об основных видах промысловых животных

Изучение ТЭЗ суломайских кетов проводится с 1993 года. Основная часть сведений была получена в 1994 и 1997 годах от охотников, промысловые участки которых находились в бассейнах рек Гуреевская, Тайменка и в среднем течении р. Большая Черная.

Ниже приведены некоторые наиболее интересные экологические факты, полученные на основе обобщения собранных ТЭЗ. Сведения расположены по отдельным видам охотничье-промысловых животных. По соображениям конфиденциальности, фамилии охотников не указаны.

Соболь

По мнению большинства суломайских охотников, численность соболя во многом зависит от его миграций, основное направление которых с северо-востока на юго-запад, реже с востока на запад. Миграции с севера на юг бывают редко. С юга на север соболь не идет никогда. Во время осенних миграций соболя редко переплывают Подкаменную Тунгуску, как правило, дожидаются ледостава. На северном берегу реки ходового соболя бывает значительно больше, чем на южном.

В марте 1992 года один из суломайских охотников, проходивший практику как студент охотовед, провел послепромысловый учет численности соболя. Учет дал следующие результаты: плотность населения соболя в среднем течении реки М. Черная — 3,2 особей на 1 тыс. га, в нижнем течении реки Б. Черная — 1,8, в верхнем течении реки Малая Тайменка — 5,6 особей на тыс. га. Повышенная плотность соболя в бассейне Тайменки была связана с тем, что на этом участке в сезон 1991/92 гг. не было промысла.

По наблюдениям того же охотника, во время миграции соболя осенью 1993 года сначала шли, главным образом, самцы, а в декабре — одни самки.

Лось

По сообщению того же охотника, во время послепромыслового учета соболя в 1992 году лось в среднем течении р. М. Черная вообще не был встречен, на Б. Черной были отмечены единичные следы, в верхнем течении М. Тайменки (на неопромышленной территории) плотность населения лоса составляла 3 или 4 животных на тыс. га угодий.

В связи с тем, что лоси в низовьях Подкаменной Тунгуски совершают регулярные весенние и осенние миграции, мы задавали охотникам специальные вопросы о характере перемещения этих животных. По сообщениям большинства из них, в зимнее время — с ноября по апрель — лоси держались в вершинах рек Чапа, Б. Черная, Б. Лебяжка. Менее значительные зимние стоянки лосей были по рекам Тайменка, Бурная, Жадого.

Основная весенняя миграция в районе поселка проходила в конце мая — первой декаде июня. Лоси шли с юга на север, проходя на реку Столбовую вдоль берегов Подкаменной Тунгуски (на том участке, где река течет в южном направлении). Главный переход лосей через Подкаменную Тунгуску находился около устья реки Тайменки. Раньше был еще один, менее значительный, переход немного выше устья р. Шумихи.

Во время весенней миграции через Подкаменную Тунгуску переплывало много беременных самок. В 1997 году миграция задержалась из-за позднего вскрытия реки и часть самок отеллилась на южном берегу Подкаменной Тунгуски.

Осенью основная миграция проходила после установления крепкого льда с начала ноября по конец этого месяца. Часть лосей переплывала Подкаменную Тунгуску еще до установления льда, примерно в тех же местах, что и весной. В середине 1990-х годов характер осенней миграции немного изменился.

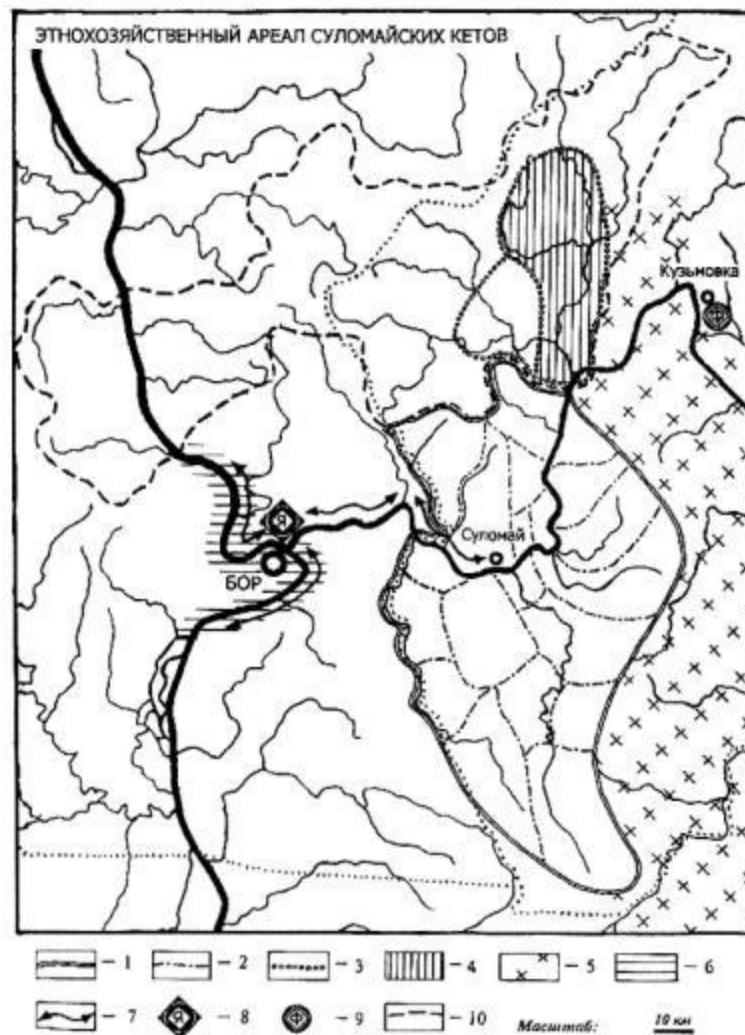
До 1995 года лоси пересекали Подкаменную Тунгуску у устья р. Тайменки и шли левым берегом Тайменки в хребты. С 1995 года ход лосей изменился. Потом звери стали пересекать Подкаменную Тунгуску в районе «щек», а затем шли через реку Шумиху, потом по ручью Березовому к «стрелке» Тайменок, а также севернее по реке Сосновке. Интенсивность миграции значительно снизилась. Например, на участке, где в первой половине 1990-х годов проходило больше сотни лосей, в 1996 прошло менее 40 животных.

В среднем течении реки Б. Черная осенняя миграция лосей заканчивалась позднее уже в январе. Там проходили многие сотни животных, но на зиму оставались лишь единицы.

В бассейне Тайменки на зиму также оставались лишь отдельные небольшие группы лосей по 2–4 зверя в каждой, или одиночные лоси.

Дикий северный олень

Если в начале 1960-х годов диких северных оленей в нижнем течении Подкаменной Тунгуски было мало (Сыроечковский, 1974), то в 1990-х годах этот зверь сделался обычным. Однако, по мнению суломайских охотников, миграции северных оленей не имеют здесь столь же правильного и регулярного характера, как миграции лосей. В одни годы оленей

Условные обозначения: 1 — современная граница этнохозяйственного ареала суломайских кетов; 2 — границы охотничьих участков в период максимального развития соболиного промысла; 3 — угодья, осваивавшиеся охотниками п. Суломая, переданные заповеднику «Центральносибирский»; 4 — в т. ч., охотниками-кетами; 5 — места пушного промысла, входившие в этнохозяйственный ареал в 1930-е годы; 6 — традиционные места рыболовства подкаменнотунгусских кетов на илимках; 7 — передвижение кетов к местам рыболовства на илимках; 8 — место расположения летней ярмарки; 9 — место расположения промысловой фактории; 10 — граница государственного биосферного заповедника «Центральносибирский»

бывало много, в другие — мало. Приходили они чаще всего с северо-востока. Наиболее значительная миграция была отмечена многими охотниками в 1994 году.

В 1993 году зимняя концентрация северных оленей — около 150–200 животных — была отмечена по обоим берегам Подкаменной Тунгуски в районе рек Опечечная и Шумиха. На остальной территории олени зимой встречались единично.

В бассейне реки Гуреевская охотники встречали оленей, главным образом, на открытых, обдуваемых ветром местах — болотах и старых гарях. Зимой в бассейне этой речки олени собирались в группы по несколько десятков голов, иногда до 60–80.

В среднем течении реки Большая Черная дикие северные олени появлялись в значительном количестве к концу октября. К концу декабря их миграция уже заканчивалась, оставались лишь отдельные небольшие группы по 5–6 животных.

В бассейне реки Тайменки охотники встречали диких северных оленей каждую осень, но на зиму они оставались не каждый год. Осенью 1994 года, когда оленей было особенно много, около 50 голов осталось здесь на зиму. Осенью 1995/96 гг. оленей также было много, но на зиму они не остались. Зимой 1996/97 гг. оленей было мало.

Как на Тайменке, так и в бассейне Б. Черной в осенний период животные предпочитали участки с ягельными борами, а зимой держались небольшими группами по 3–4 штуки в густых ельниках, где питались древесными лишайниками.

В бассейне Тайменки охотникам известны два «солонца» — почти высыхающих озера, где бьют ключи с сильно минерализованной водой. Весной и осенью там постоянно скапливаются северные олени и лоси.

Кабарга

В 1960-х годах кабарга не встречалась в долине Подкаменной Тунгуски ниже урочища «щек» (Сыроечковский, 1974). В 1990-е годы, судя по сообщениям суломайских охотников, ее ареал несколько расширился. По-прежнему постоянно кабарга держалась в районе «щек», но только по южному берегу Подкаменной Тунгуски. К северу от Тунгуски (даже в районе «щек») не встречается. Численность ее была очень маленькой, вероятно около десятка зверей.

В среднем течении реки Б. Черная, а также в низовьях реки Большая Колонка и по Малой Колонке охотники постоянно встречали кабаргу там, где есть скалы. Были отмечены случаи охоты на нее соболя.

Один раз следы кабарги были встречены охотниками в скалистом урочище в бассейне реки Тайменки.

Норка

Охотниками отмечено снижение численности этого вида на всех трех участках.

По реке Тайменке в 1980-х годах норка встречалась регулярно, и промышлявший там охотник ежегодно добывал примерно по 5 норок. К концу 1990-х годов норка на этом участке стала очень редка.

В верховьях Б. Черной также отмечен спад численности норки. Там, где раньше охотники вдвоем добывали 20–25 норок за сезон, добыча снизилась до 1–2 зверьков. В бассейне Гуреевской норка стала встречаться только осенью, зимой охотники ее не видят совсем.

5. Программа этноэкологического мониторинга

Цель системы этноэкологического мониторинга, состоит в том, чтобы отслеживать процессы изменения в природно-ресурсной базе, системе использования угодий и сезонной ритмике традиционного природопользования, технологиях и организационной структуре традиционного хозяйственного комплекса, взаимосвязях между хозяйственными демографическими и культурно-этническими процессами.

В задачи **этноэкологического мониторинга** входит:

- систематический сбор и накопление качественных и количественных показателей, отражающих состояние этнохозяйственного комплекса и его биологоресурсной базы в целом и по отдельным отраслям традиционного природопользования (охотничий промысел, рыболовство, сбор пищевых дикорастущих растений и др.), а также характера взаимосвязей между экологическими, демографическими и этнокультурными процессами;
- разработка — после накопления значительного объема информации — критериев оценки состояния и устойчивости этнохозяйственных систем традиционного природопользования, а также их отдельных компонентов и блоков (биоресурсного, технологического и др.);
- разработка предложений по улучшению организации системы традиционного природопользования с учетом выявленных многолетних тенденций.

Показатели системы этноэкологического мониторинга включают два основных блока:

1. ресурсный (мониторинг ресурсов и их использования);
2. этнодемографический (мониторинг популяций коренного населения).

Ресурсный блок на первом этапе мониторинга включает показатели, отражающие использование основного вида промысловых ресурсов —

соболя. Список показателей был апробирован в течение нескольких последних лет в пределах биосферного полигона ЦСБГЗ. Сбор материала о состоянии биологических ресурсов на территории этнохозяйственного ареала осуществляется с помощью анкет, применяемых в течение 8 лет в заповеднике для оценки состояния охотничьего промысла и промысловых участков на территории его полигона.

Этнодемографический блок включает следующие основные показатели:

- уровень рождаемости и ее тенденции,
- уровень метизации (доля детей, рожденных от экзогамных, межэтнических браков);
- уровень смертности, ее тенденции и структура;
- брачное (матримональное) поведение, в том числе:
  - 1) доля экзогамных браков,
  - 2) оценка ассортативности (предпочтительности) брачного поведения (т.е. ориентации на экзогамные или эндогамные браки);
- оценка релятивности этнического самосознания.

6. Основные принципы организации этноэкологических зон

Промышленное освоение северных территорий — это процесс, которого, с одной стороны, объективно избежать нельзя, с другой — он неизбежно наносит ущерб природе и местному населению. Очевидно, что величина этого ущерба не может быть непосредственно сопоставлена с размером эффекта, получаемого в результате освоения: ущерб терпят жители осваиваемой территории, а выгоду от него получает, главным образом, население других регионов. Признание неизбежности этого противоречия обуславливает необходимость выработки принципов, с помощью которых можно обосновано оценить допустимость или недопустимость освоения и определить условия, на которых оно может быть проведено.

Специальным международным актом, защищающим интересы малочисленных народов и отдельных групп коренного населения, является уже упоминавшаяся выше Конвенция № 169 Международной организации труда (МОТ) о коренных и ведущих племенной образ жизни народах в независимых странах. На выработанные в ней подходы и принципы целесообразно ориентироваться и в нашей стране, с тем, чтобы подготовить условия для ее ратификации. Это вытекает из статьи 69 Конституции РФ, которая гласит: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права...»

Учитывая сложившиеся на севере России особенности политической и экономической жизни, а также рост социально-политической активности коренных северных народов, мы считаем, что в основу решения проблем, возникающих в процессе промышленного освоения районов проживания коренного населения Севера, должны быть положены следующие принципы (Дмитриев, Клоков, 1990):

1). Принцип свободы выбора приоритетов. Конвенция МОТ № 169 утверждает, что традиционные виды деятельности коренного населения заслуживают признания и охраны, а самому населению необходимо оказывать техническое и финансовое содействие в развитии традиционных технологий (ст. 23).

В проектах экономического развития мест проживания коренного населения вопросы улучшения условий его жизни и труда должны рассматриваться как приоритетные, по сравнению с другими целями (ст. 7.2).

В существующих условиях для северных народов реально возможны два пути развития: либо принять европейскую модель образа жизни и постепенно слиться с основной массой населения страны как в демографическом, так и в хозяйственном и культурном отношении, либо сохранить хозяйственно-культурную самостоятельность и автономно развивать традиционные формы хозяйства и самобытной культуры.

В этом случае появится возможность сохранить свое «лицо», индивидуальность и неповторимость образа жизни среди других больших и малых народов нашей страны, а параллельное совместное развитие приведет к взаимному обогащению достижениями и ценностями культуры. Оба пути имеют свои преимущества и свои трудности, и каждая этническая группа населения вправе выбирать тот путь, который ее больше привлекает, распределяя приоритеты между конкретными социальными, экономическими, экологическими и др. целями.

2). Принцип добровольного согласия требует получения сознательного и свободно выраженного согласия коренного населения на осуществление всех затрагивающих его интересы программ, в частности на разведку и эксплуатацию минеральных ресурсов, находящихся на его традиционных территориях (ст. 15.2). В той же статье Конвенции предусматривается создание социального механизма, с помощью которого оно может быть получено: через доверенных представителей или путем референдума.

3). Принцип компенсации — необходимое дополнение двух первых. Он утверждает необходимость по-возможности наиболее полно компенсировать ущерб, неизбежно причиняемый местному населению при разведке и извлечении минеральных ресурсов (статьи 15.2, 16.4).

Большая часть месторождений минеральных ресурсов Туруханского Севера находится на территориях традиционного природопользования. Проблема состоит в том, чтобы их освоение осуществлялось на принципах устойчивого развития, с сохранением природной и культурно-этнической среды региона, а не повторяло печальный опыт Западносибирского Севера, где в результате непродуманного с позиций экологии нефтегазового освоения сильно пострадала природная среда и нарушены условия жизни коренного населения.

С этой целью на базе биосферного полигона Центральносибирского государственного заповедника специалистами ряда научно-исследовательских институтов (Института проблем экологии и эволюции РАН, НИИ географии Санкт-Петербургского государственного университета, Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Института географии РАН и др.) ведутся комплексные многолетние исследования этнохозяйственных ареалов, направленные на выработку стратегии устойчивого развития традиционного природопользования с учетом перспектив промышленного освоения. Эти работы проводятся в русле решений Правительства РФ о разработке и реализации концепции устойчивого развития для России в целом, в которых предусмотрено использование для этой цели региональных моделей. В качестве такой модели для территорий Крайнего Севера, населенных коренными малочисленными народами, определен Туруханский район Красноярского края — крупный (превышающий по площади Белоруссию) и характерный по природному и этническому разнообразию регион Северной Сибири, вместе с тяготеющим к нему в хозяйственном отношении участком территории Эвенкийского автономного округа (рабочее название региона — «Туруханский Север»). Вся южная часть этого региона входит в биосферный полигон ЦСБГЗ.

Предварительные итоги этих работ были официально одобрены на рабочих совещаниях 17 апреля 1996 при первом заместителе Губернатора Красноярского края, 13 сентября 1996 г. при главе администрации Туруханского района, 21 апреля 1997 г. в Комитете по делам Севера и Арктики Администрации Красноярского края. Подготовленный в ходе работ инновационный аванпроект «Центральносибирский этно-экологический резерват» передан в Госкомсевер России. Готовится к изданию коллективная монография «Туруханский Север: проблемы устойчивого развития и традиционного природопользования».

В апреле 1997 года Ученым Советом ЦСБГЗ принято решение включить этноэкологический мониторинг в тематику научных работ заповедника как приоритетное направление, создав в нем соответствующее структурное подразделение, а также предусмотреть практические меры

по формированию в биосферном полигоне заповедника этноэкологических зон традиционного природопользования. Работать над этими задачами намечено в контакте с Ассоциацией кетского народа и другими организациями коренных народов Туруханского Севера.

При разработке научных основ устойчивого развития традиционного природопользования в биосферном полигоне заповедника и на остальной территории Туруханского Севера предполагается исходить из следующих положений (Клоков, 1996):

1. Создание этноэкологических охраняемых территорий должно преследовать поддержание пяти основных условий сохранения малочисленных этносов, к которым относятся:
  - демографическая стабильность;
  - хозяйственная автономия;
  - социальная структуризация;
  - целостность культурно-языкового пространства;
  - связь с землей.
 Ведущим звеном, обеспечивающим создание этих условий, выступает здесь территория, которая берется под государственную охрану. При этом должны быть предусмотрены меры, предотвращающие вытеснение коренных народов с промысловых угодий и ограничение доступа на территорию новопоселенцев, то есть разумное сопротивление процессу «территориального экологического этноцида», названному так Е.Е. Сыроечковским.
2. Важным фактором стабилизации традиционных форм природопользования должна стать их государственная поддержка, которая призвана обеспечить прежде всего занятость коренного населения в оленеводстве, охотничьем и рыбном промысле и конкурентоспособность продукции этих отраслей.
3. Другое направление государственной поддержки — национальное образование и традиционная культура. Должны быть предусмотрены создание малокомплектных школ, местных музеев, условий для общения на родном языке и повышение образовательного уровня без отрыва от своей территории. Кроме финансирования здесь необходима целевая подготовка специалистов по национальной культуре.
4. Управление природопользованием должно осуществляться при активном участии органов местного национального самоуправления коренного населения.
5. Во многих случаях необходима разработка специальной программы социально-психологической реабилитации, обеспечивающая выравнивание статуса коренного и некоренного населения, преодоление чувства несправедливости и гармонизацию отношений.

В качестве первоочередной меры разрабатываются предложения по приданию территории биосферного полигона Центральносибирского заповедника юридического статуса, обеспечивающего государственную защиту традиционного природопользования и среды обитания коренного населения.

7. Данные по традиционному хозяйству суломайских кетов за 2000 год

В результате исследований 2000 г. получены данные по использованию основных видов биологических ресурсов, составляющих основу традиционного жизнеобеспечения суломайских кетов, промысловиков поселка Суломай, вовлеченных в традиционное природопользование (табл. 5).

Таблица 5
Состояние природно-ресурсной базы, оценка значимости основных видов ресурсов в системе традиционного жизнеобеспечения и интенсивность их использования ресурсов коренным населением в 1999/2000 гг. *

№	Основные виды биоресурсов	Состояние природно-ресурсной базы	Тенденция изменения за последний год	Интенсивность использования коренным населением в 1999/2000 гг.	Оценка значимости данного вида ресурсов в системе традиционного жизнеобеспечения
1	Пушные звери				
1.1	Соболь	3	4	5	5
1.2	Белка	1	3	1	1
1.3	Ондатра	2	3	1	1
1.4	Норка	3	3	2	2
2	Копытные				
2.1	Лось	4	3	5	5
2.2	Дикий северный олень	3	2	5	5
3	Промысловые рыбы	4	3	4	5
4	Ресурсы дикорастущих пищевых растений				
4.1	Ягоды: брусника	2	2	4	5
4.2	Черника	3	4	4	3
4.3	Грибы	4	4	3	3

*Состояние ресурсов: 1 — очень низкое; 2 — низкое; 3 — среднее; 4 — высокое; 5 — очень высокое. Тенденции изменения: 1 — значительное снижение; 2 — незначительное снижение; 3 — на уровне прошлого года; 4 — незначительный рост; 5 — значительный рост

Список литературы

1. Зеленский М.А. Роль национального товарищества «Наукан» в развитии традиционного природопользования коренных жителей Чукотки и выполнении наблюдений по изучению распределения и миграции гренландского кита в водах Берингова и Чукотского морей: отчет / М.А. Зеленский и др. / Лаврентия, 1995 (рукопись).
2. Клоков К.Б. Традиционное природопользование елогуйских кетов // Этногеографические и этноэкологические исследования. Вып. 8. СПб-М., 1999. — 35 с.
3. Мымрин Н.Т. Традиционные экологические знания сибирских эскимосов о гренландском ките. Киров, ВНИИОЗ, 1999.
4. Райгородский Г. Традиционное экологическое знание и «западная» наука: интегральный подход для решения проблемы глобального кризиса окружающей среды // Живая Арктика. 2000. № 1(13). С. 24–19.
5. Ринтеймит В. Мониторинг промысла моржа на Чукотке в 1999 г.: технический отчет для U.S. Fish and Wildlife Service Marine Mammals Management / Ринтеймит В. и др. 2000 (рукопись).
6. Сыроечковский Е.Е. Биологические ресурсы Сибирского Севера. М., Наука, 1974. — 366 с.
7. Сыроечковский Е.Е., Рогачева Э.В., Клоков К.Б. Таежное природопользование. М., Лесная промышленность, 1982. — 287 с.
8. Сыроечковский-мл. Е.Е., Клоков К.Б. Об использовании традиционных экологических знаний народов Севера в орнитологических исследованиях (в печати).
9. Andrews, Thomas A. Selected Bibliography of Native Resource Management Systems and Native Knowledge of the Environment // Freeman M.M.R., Carbyn L.N. (eds). Traditional Knowledge and Renewable Resource Management in Northern Regions. Boreal Institute for Northern Studies, Occasional Publication N° 23, Edmonton, 1988. P. 105–204.
10. Berkes F. Traditional ecological knowledge in perspective // Inglis, J.T., ed. Traditional ecological knowledge: Concepts and cases. Ottawa: Canadian Museum of Nature. 1993. Pp. 1–9.
11. Fienup-Riordan, A. Yaquqget qaillun pilartat (what the birds do): Yup'ik Eskimo understanding of geese and those who study them. Arctic, 1999, No 52 (1). Pp. 1–22.
12. Freeman, M.M.R., Carbin, L.N. Ed. Traditional knowledge and renewable resources management in Northern Regions. IUCN Comm. on Ecology & Boreal Inst. for Northern Studies. Occasional Publication No 23. 1988. Pp. 1–123.
13. Nakasima, D.J. Application of native knowledges in EIA: Inuit, eiders and Hudson Bay Oil. Canadian Environmental Assessment Research Council. Ottawa. 1990.

14. Science for the Twenty-First Century. A New Commitment Declaration on Science and the use of Scientific Knowledge Introduction note to the science agenda – framework for action- pp. 17–28. World Conference on Science. Budapest, 1999. UNESCO, Paris, 2000. – 48 p.
15. Usher, Peter J. Traditional Ecological Knowledge in Environmental Assessment and Management. // *Arctic*. Vol. 53. No 2 (June), 2000. P. 183–193.